

были расплавлены и превращены в деньги¹, и даже епископское книгохранилище подверглось опустошению²

Если сравнить те бесчинства, которые учинены были христианами-латинцами над церквями в завоеванной Греции, с терпимостью к храмам, какую древние римляне поставили себе законом в этой же стране, то надо заключить, что языческая религиозность стояла на высшей ступени нравственности, нежели набожность христиан в XIII и последующих веках. По завоевании Афин свирепый Сулла из того же Парфенона не исхитил ни единого из собранных там священных даров и потребовал для себя лишь 40 фунтов золота и 600 фунтов серебра. То ограбление греческих храмов, которое себе впоследствии дозволили Калигула и Нерон — впрочем, только из любви к художественным предметам, — подверглось осуждению со стороны римского общественного мнения. Клавдий вернул фессалийцам медную статую Эрота работы Лисиппа, вывезенную Калигулой, а проконсул Азии Варreas-Соранус сумел даже защитить пергамские храмы от хищнических вожделений самого Нерона³

Несчастному афинскому архиепископу в эту пору довелось пережить если не такие ужасные дни, какие выпали на долю его брата после штурма Константинополя, то все же очень тягостные. Если Акоминат последовал примеру своего друга, Мануила, архиепископа фиванского, и добровольно отправился в ссылку, то поступил он так потому, что новые властители города лишили его архиепископского стола, превратили Акрополь исключительно в франкский замок, воспретили в соборе богослужение по греческим обрядам и предоставили храм в распоряжение латинского духовенства. Не будучи в состоянии ни помешать этому, ни подчиниться римским церковным законам, как на то пошли иные греческие епископы в покоренных провинциях, Акоминат покинул город, чтобы где-нибудь сыскать

¹ Акомин. II. 178. Никита не упоминает об ограблении церквей.

² Акоминат, Монодия в память брата. Op. I, 357

³ Tacitus, Annal. XVI, стр. 23. Приведено у Leake, Topographie Athens deutsch v. Saupre, стр. 30.